

Е Тао чувствовал себя растерянным и подавленным. Если бы у него был выбор, он бы не хотел никого видеть и ни с кем общаться. Но он не мог себе этого позволить, поэтому с неохотой поднялся с постели.

— Не могу пить лекарство, меня сразу рвет, — слабым голосом произнес Е Тао. Он все еще чувствовал слабость и легкую лихорадку, голос был хриплым и безжизненным. Конечно, он хотел бы почувствовать себя лучше, но лекарство, которое принесли утром, он выпил, задержав дыхание, и результат был таким же, как и вчера вечером: через некоторое время его вырвало, и он почувствовал головокружение, тяжесть в груди и одышку. Лекарство должно лечить, но если после него становится только хуже, зачем его пить? Поэтому лекарство, принесенное в обед, он даже не тронул.

Чжоу Цзыцянь, услышав от слуги, что племянник отказывается пить лекарство, сначала подумал, что тот снова капризничает. Но, услышав, что лекарство все равно не удерживается, он начал беспокоиться:

— Это из-за лихорадки? Я попрошу их изменить рецепт. Сначала нужно сбить температуру, а потом уже постепенно восстанавливаться.

— Это всего лишь легкая лихорадка. Попробуйте дать мне имбирную воду с сахаром, может, ее я смогу выпить.

— И что это даст?

— Попробуем, все же лучше, чем пить и сразу вырвать, — Е Тао взял поданную Чжоу Цзыцянем горячую воду и начал мелкими глотками пить.

На обед он съел только полчашки каши, но желудок казался переполненным, и он не хотел есть. Раньше у него был хороший аппетит и крепкое здоровье, и он считал это чем-то само собой разумеющимся. Теперь же он понимал, как это ценно.

Чжоу Цзыцянь не верил, что имбирная вода поможет сбить температуру, но все же решил попробовать. Е Тао, надеясь пропотеть и почувствовать облегчение, заставил себя выпить весь напиток. После этого он чувствовал себя так, словно вода вот-вот выльется обратно, и даже боялся лечь, поэтому остался сидеть на кровати, укутанный в одеяло, с крошечным личиком, выглядывающим из-под него. В комнате было тепло, одеяло было плотным, но у Чжоу Юньси, который постоянно болел, совсем не было жизненного тепла. Е Тао пролежал так некоторое время, но тело лишь слегка увлажнилось, до обильного потоотделения было еще далеко.

Хотя он совсем не хотел двигаться, Е Тао все же предложил второй вариант:

— Может, я приму горячую ванну? Так сидеть под одеялом слишком утомительно.

— Нет, — строго ответил Чжоу Цзыцянь, относясь к своему племяннику с особой осторожностью. — Пока температура не спадет, нельзя мыться.

Е Тао промолчал, его голова безвольно опустилась на грудь одеял. Он не мог объяснить семье Чжоу, что он больше не их юный господин. Если бы он сказал правду, его, скорее всего, сочли бы сумасшедшим. В сложившейся ситуации ему оставалось только «играть роль», полагаясь на это слабое тело и поддержку своего дяди.

К вечеру Чжоу Юньян, вернувшись из школы, зашел навестить брата. Е Тао все еще лежал, укутанный в одеяло. Чжоу Юньян пришел через некоторое время после ухода Чжоу Цзыцяня.

Красивый юноша сел на место, где до этого сидел его дядя, и с осторожностью спросил:

— Юньси, ты все еще злишься на меня?

Е Тао безразлично ответил:

— Что ты вчера сказал? Я не помню.

Чжоу Юньян вздохнул с облегчением, и на его лице появилась успокоенная улыбка. Он пересел с деревянного стула на кровать и спросил, как Е Тао себя чувствует. Тот лишь кивнул, не имея ни сил, ни желания поддерживать разговор.

Чжоу Юньян с заботой расспросил о его состоянии и перед уходом, словно утешая, погладил Е Тао по голове:

— Поскорее выздоравливай.

На ужин снова подали кашу, остальные блюда — суп, овощи и лапшу — Е Тао не тронул. Когда слуга принес лекарство, Чжоу Цзыцянь тоже был в комнате. Он мягко уговаривал племянника попробовать выпить хоть немного. Е Тао в душе вздохнул и, чтобы разубедить дядю, снова вырвал при нем. С трудом съеденная каша тоже вышла наружу. После этого он лежал на кровати, бледный, как смерть, словно в любой момент мог испустить дух.

Чжоу Цзыцянь постоял у кровати некоторое время, затем, нахмурившись, вышел. Вскоре из зала послышался его строгий голос. Е Тао смутно слышал, как он разговаривал со Старейшиной Лю, но разобрать слова не мог. Через некоторое время в этом неясном диалоге он услышал вздох, звучащий как-то призрачно, то ли совсем рядом, то ли принесенный ветром.

Е Тао с трудом открыл глаза и увидел, что в комнате только он и слуга. Слуга, присев у кровати, вытирал пол и постель, испачканные после рвоты. Он старался не шуметь, чтобы не потревожить больного, и вздох тоже замолк.

Слуга заметил, что Е Тао смотрит на него, и спросил, не нужно ли чего, может, его снова тошнит. Е Тао ответил:

— Ничего, просто немного звенит в ушах.

Когда Чжоу Цзыцянь вернулся, Е Тао уже спал, но его сон был неглубоким из-за плохого самочувствия. Как только матрас слегка прогнулся, он проснулся. Чжоу Цзыцянь снял верхнюю одежду и бросил ее на скамью у кровати, затем лег рядом с Е Тао. От него исходил легкий запах табака, уже выветрившийся и не раздражающий.

— Лекарство пока пить не будем, подождем пару дней, — сказал Чжоу Цзыцянь, поправляя одеяло, и поцеловал Е Тао в щеку, от которой пахло лекарствами. — Спи, во сне не так больно.

Е Тао кивнул, но подумал: «Если твои утешения всегда такие однообразные, твой племянник, возможно, начнет думать, что "не проснуться — значит не чувствовать боли". Надеюсь, это не так, иначе, узнав правду, ты, возможно, будешь сожалеть об этом всю жизнь».

Простая простуда с лихорадкой затянулась у Е Тао на десять дней. У двери всегда дежурил слуга, и при малейшем шорохе он вбегал в комнату, словно боясь, что юноша тихо умрет в одиночестве. Чжоу Цзыцянь тоже не отдыхал: днем он был занят работой, а вечером возвращался и сам присматривал за племянником. Е Тао, окруженный заботой, был вялым и

слабым, и каждый прием пищи давался ему с трудом.

Небеса словно добрый, но жестокий ребенок: жестоко отняли у него одну жизнь, но добро дали новую. Однако какая доля доброты, а какая — зла в том, чтобы поместить душу, привыкшую к здоровью, в слабое и больное тело?

Было видно, что Чжоу Цзыцянь очень любит своего племянника. Хотя Чжоу Юньян тоже называл его дядей, отношение к двум племянникам было разным. К Чжоу Юньси он был внимателен и терпелив, в его словах и действиях чувствовалась нежность и забота. А с Чжоу Юньяном он разговаривал на «вы», и хотя не был строг, но держал дистанцию.

После того дня, когда Е Тао упал в воду, Чжоу Цзыцянь еще несколько раз спрашивал, что именно сказал Чжоу Юньян, чтобы так его расстроить. Е Тао понимал, что если он скажет что-то плохое о Чжоу Юньяне, тому не поздоровится.

Хотя дядя явно выделял одного племянника, Чжоу Юньян держался спокойно и заботился о Чжоу Юньси. Он почти каждый день навещал брата, а Е Тао, занявший его тело, несколько дней был вялым и безразличным, поэтому почти не обращал на него внимания.

Чжоу Юньян не задерживался надолго, обычно посидев немного, он уходил. Сегодня, увидев, что Е Тао немного оживился, он заговорил с ним дольше обычного. Е Тао слушал мальчика рассеянно, в мыслях возвращаясь к материалам, которые он готовил для интервью с Чжоу Цзыцинем. Большая часть информации касалась его успехов и достижений, о личной жизни говорилось мало. Согласно данным, Чжоу Юньси был единственным ребенком, поэтому Е Тао не мог понять, кем приходился Чжоу Юньян. Двоюродный брат? Но почему он жил вместе с Чжоу Цзыцинем как племянник?

— Юньси, ты все еще злишься на меня? — вздохнул Чжоу Юньян, и его лицо потеряло интерес к разговору. — Ты уже много дней не хочешь со мной общаться. Сначала я думал, что это из-за того, что тебе плохо, но теперь ты чувствуешь себя лучше, а все равно не хочешь говорить. Наверное, ты все еще злишься?

— Нет, не думай об этом.

— Это я придумываю? С тех пор как я вошел, ты все время хмуришься. Я уже давно не видел, чтобы ты улыбался.

— Мне плохо, я не могу улыбаться, — Е Тао не нарочно хмурился, и не только из-за плохого самочувствия. Он вообще редко улыбался, часто был бесстрастным. Хотя это не выглядело строгостью, но создавало впечатление, что он холодный и равнодушный человек.

<http://bllate.org/book/17687/1650167>